

"У допомогу педагогу"

ПСИХАЛОГІЯ

3
2002

Серыя “У дапамогу педагогу”
заснавана ў 1995 годзе па
ініцыятыве У.П.Пархоменкі

3(28)'2002

Псіхалогія

Заснавальнік і выдавец
Выдавецтва
“Адукацыя і выхаванне”

Рэдакцыйная калегія

Галоўны рэдактар

Я.Л. Каламінскі

Нам. галоўнага рэдактара

А.М. Сізанаў

Адказны сакратар

Н.Ю. Зайцава

Члены рэдкалегіі

С.А. Гумнаў

Г.М. Кучынскі

Л.А. Панько

Л.А. Пергаменшчык

Л.М. Рожына

І.І. Стрыга

І.А. Фурманаў

У.А. Янчук

220004, г. Мінск,
вул. Караля, 16,
тэл.: 229-19-71,
факс: 220-54-10

Падзея ў свеце псіхалогіі

<i>Н.В.Дроздова.</i> Псіхалогія педагогічнага межлічнаснага ўзаемадзейства: састаянне і перспектывы развіцця.....	3
<i>Я.Л.Коломинский.</i> Актуальныя методалагічныя праблемы ўзучення межлічнаснага педагогічнага ўзаемадзейства	14
<i>О.А.Митрахович.</i> Асабнасці ацэночнай дзейнасці ўчыцеля: вчэра, сёння, заўтра.....	20
<i>Ж.И.Мицкевич.</i> Праблемы дэцка-родзельскага ўзаемадзейства	29

Госць нумара

<i>О.Никифоров.</i> Тэорыя Э.Фрома — апыт аналізу і прымянення пры наблідзенні быцця.....	34
---	----

Новыя даследаванні

<i>Ф.И.Иващенко.</i> Эвристическая функция научной критики.....	46
<i>В.П.Пархоменко, Д.А.Бычковский.</i> Псіхалагічныя аспекты фарміравання лічнага прафесійнага плана ўчыцеля.....	57
<i>М.Ц.Ярчак.</i> Памяць: энергетычны падыход	70

Энцыклапедыя практычнага псіхалага

<i>Т.Н.Карпович.</i> Социальный интеллект и пути его развития у учащихся юношеского возраста.....	78
---	----

Псіхалаг — псіхалагу

<i>Е.В.Горельчик.</i> Влияние телевидения на развитие личности ребенка	87
--	----

Псіхалагічная публіцыстыка

<i>Л.А.Пергаменщик.</i> Иллюстрированный анализ человеческого страдания	91
---	----

Псіхалагічныя кадры

<i>Г.В.Гатальская, А.В.Крыленко.</i> Позитивная Я-концепция личности психолога как основа его профессионального роста	106
---	-----

Крок у навуку

<i>Н.В.Азаренок.</i> Исследование особенностей восприятия и оценки рекламы студентами белорусских вузов.....	120
<i>Е.В.Гапанович-Кайдалова.</i> Теоретические проблемы развития письменной речи.....	130
Аўтары нумара.....	143

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТРАДАНИЯ

Л.А.Пергаменщик

*Музыка играет так весело, так радостно, и,
кажется еще немного, и мы узнаем,
зачем живем, зачем страдаем...
Если бы знать, если бы знать!*

А.П.Чехов

*Страдания — позор мира,
и надобно его ненавидеть
для того, чтобы истребить*

А.М.Горький

Мак как же относиться к страданию? Как к позору мира, который необходимо истребить (М.Горький), или как к способу переработки негативных трагических событий, и тогда надо понять его механизм?

Пролетарский писатель, видимо, искренно мечтал о том времени, когда в жизни человечества исчезнет позор мира — страдание — и призывал к активным действиям по истреблению его причин.

Можно ли жить не страдая? Нет — смею я утверждать. Жизненный путь человека не устлан розами. Появление человеческой жизни — рождение — и есть первый случай страдания. Последнее событие человеческой жизни

— смерть или подготовка к смерти — также сопровождается страданием.

Так почему же этой психологической проблеме уделяется так непростительно мало внимания?

Психология страдания — эта та область человеческих эмоций, которая меньше всего поддается экспериментальному анализу: когда человек страдает, он не может стать объектом исследования, а когда он уже в состоянии отвечать на вопросы психолога, он уже не страдает. Исключением являются страдания, которые актуализируются в процессе психотерапевтического контакта. Но и здесь есть помехи: это прежде всего сам психолог. Он при всей своей дистанцированности, объективности и невмешательстве не может не сострадать, а следовательно, и потерять из поля научного анализа «объективную» нить исследуемого процесса.

Конечно, хотелось бы дать эту проблему в максимально «живом» виде, не отягощенную понятийным научным аппаратом. Очень не хочется страдания объяснять. Человеческое горе на операционном столе научной психологии уходит, это уже не горе, а система понятий, в которых отсутствует самое главное, что характеризует горе, — эмоции переживания.

Есть и другая — социальная — причина отсутствия внимания к теме страдания. Суть ее в следующем. Мы так долго жили с предчувствием неотвратимости наступления счастливой жизни, так искренно верили, что «нынешнее поколение советских людей будет» обязательно жить счастливо и радостно, что как бы не замечали то горе и несчастье, которые сопровождали нашу жизнь. Нельзя сказать, что страдания обходили нас стороной или мы их действительно не замечали, но к этим событиям нашей жизни мы относились как к неизбежному злу, которое исчезнет, как только мы перейдем на следующий этап если не своего личного, то уж общественного развития точно. Когда же эту прекрасную, но иллюзорную мечту у нас отобрали, мы оказались совершенно не подготовленными жить в мире, в общем-то не обещавшем нам этого счастья. Станный

парадокс: оказывается, можно быть счастливым, живя вне счастливой жизни, имея идею счастливой жизни в будущем. И стать глубоко несчастным, как только у тебя отбьют идею счастливой жизни, ничего с реальной жизнью не делая. Как писал Н.Коржавин, «всю жизнь я собираюсь жить...». Стало немного страшно и жутко, что теперь приходится самому оценивать, что происходит в твоей личной жизни, самому искать пути выхода из трудной ситуации, отвечать за этот выбор и самому определять, что для тебя есть счастье, а что несчастье.

Проанализировать человеческое страдание одному не под силу: слишком значителен и глубок этот пласт человеческих эмоций, и я обратился за помощью к писателям, точнее к одному из них. Японский писатель Ю.Мисима, который при жизни стал классиком, но не был почитаем официальными критиками в нашем отечестве по нескольким причинам, в том числе и за то, что обращался нередко к так называемым темным сторонам человеческой жизни, анализировал смерть и страдания и, как считали специалисты-литературоведы, не предлагал счастливого выхода из мрачных ситуаций, а как бы смаковал, пел гимн смерти. Он и жизнь закончил по законам самураев, сделав себе харакири после неудачного государственного переворота, в котором участвовал.

Итак, передо мной повесть Ю.Мисима «Смерть в середине лета», которая послужит литературной иллюстрацией к рассматриваемому феномену страдания.

Событие. Молодая красивая женщина Томоко Икута с тремя детьми и с золовкой, сестрой мужа, отдыхали в курортном местечке на берегу моря. В описываемый момент Томоко спала после обеда в номере гостиницы, а трое ее детей были на попечении Ясуэ, так звали золовку, и играли на берегу моря, строя песочную крепость. Через некоторое время детям надоело возиться в песке. Двое из них побежали по мелководью, поднимая фонтаны брызг. Ясуэ тут же вскочила на ноги и бросилась вслед за племянниками. Киео и Кэйко, взявшись за руки, зашли в море по грудь и стояли там, чувствуя, как вода толкает их в спину.

Песок медленно уходил из-под ног, было жутковато, и глаза обоих оживленно блеснули. Ясуэ подошла к детям и предупредила их, чтобы глубже они не заходили. Потом показала на оставшегося в одиночестве маленького Кацуо и поругала старших: как же они оставили братика одного, пусть вылезает из воды. Киео и Кэйко не слушали тетку, оба чувствовали, что песок потихоньку уползает из-под подошв. Брат с сестрой, не разжимая рук, переглянулись и засмеялись. Стоять на солнце Ясуэ не нравилось. Она опасливо посмотрела на свои плечи, потом на грудь. Белая кожа напомнила ей снега родного края, Ясуэ слегка ущипнула себя повыше лифчика и улыбнулась — кожа была горячей. Тут она заметила, что под длинные ногти попали песчинки, и подумала: вернемся с пляжа, надо будет подстричь. Когда она подняла глаза, Киео и Кэйко исчезли. Вышли на берег, решила Ясуэ. Однако на песке по-прежнему стоял один Кацуо. Мальчик показывал пальцем в море, его личико странно кривилось. У Ясуэ сжалось сердце. Она обернулась к воде. Волна как раз откатывалась от берега, и впереди, метрах в двух, в бурлящей пене, Ясуэ увидела маленькое смуглое тельце — вода вертела его и тащила прочь. Маленькое синее пятно — плавки Киео. Сердце Ясуэ заколотилось еще сильнее. Молча, с искаженным от ужаса лицом она сделала шаг вперед. В этот миг высокая волна, каким-то чудом до самого берега не растерявшая силу, ударила Ясуэ в грудь и разбилась с песком. Женщина рухнула как подкошенная. С ней случился инфаркт. (Трудно отказаться от искушения и не переписать весь текст повести.)

В дальнейшем события развивались стремительно, как в остросюжетном фильме. Люди на пляже бросились к Ясуэ, не понимая толком, что случилось. Послали за Томоко. Спасатель пытался, делая искусственное дыхание, вдохнуть жизнь в безжизненное тело. Прибывшая мать испуганно запричитала, и первая мысль в ее голове была: «Ой, неужели ее не спасут, что же это такое, да что я мужу скажу!» И только после этого она вспомнила о своих детях. Увидев младшего, она успокоилась и стала следить,

как пришедший врач делает искусственное дыхание. По лбу Ясуэ полз муравей. Томоко раздавила его пальцем и смахнула. Потом появился еще один — он прополз по колеблемым ветерком волосам, вскарабкался на ухо. Томоко раздавила и этого. У нее появилось дело — давить муравьев. Четыре часа продолжались попытки оживить тело. Все это время Томоко ни разу не вспомнила о своих двух детях. Она совсем выбилась из сил, ею овладела апатия, горя она не чувствовала. Вспомнив о малышах, Томоко спросила: «А где дети?»

Анализ события. Самое невероятное в этом событии то, что мать в течение четырех часов не вспомнила о своих детях, не почувствовала опасность. Что же произошло, почему трагическое происшествие свело на нет нормальную бдительность любого человека, а тем более матери, по отношению к своим детям? Трагическое происшествие создает своего рода затмение сознания (в психологии существует для этого специальный термин «сужение сознания»), психологический водоворот. Происходит примитивизация интеллектуальной деятельности. Большинство людей, которые включены в трагическое событие, начинают мыслить по одному определенному шаблону, и выбраться из него очень не просто, еще сложнее в момент события противопоставить ему свою версию. Даже если человек с опозданием подключился к участию в событии, он мгновенно принимает версию группы. Так произошло с Томоко — она сразу же, без малейших сомнений, приняла установившуюся точку зрения на случившееся.

Итак, произошло трагическое событие: гибель двоих детей и золовки.

Научное отступление. *Травматическое событие — пусковой механизм развития личности. В зависимости от модальности, силы, уникальности события происходит его восприятие и переживание, характер воздействия на личность. Такое событие несет с собой психическую травму, которая в корне меняет взгляд человека на жизнь. Травматическое событие можно рассматривать как «опасный жизни шанс». Какой шанс дает событие, во*

многое зависит от того, какой смысл событию придают его участники. Трагическое событие вызывает страдание.

Страдание — способ переработки негативного, трагического для данной личности события (В.Даль). Страдание, как и любая фундаментальная эмоция, играет важную роль в жизнедеятельности человеческой личности. В чем значение, смысл страдания? Какие функции выполняет страдание? Как происходит переработка негативного опыта (как человек страдает)?

Проанализируем страдание с точки зрения его функций [3]. Мы предлагаем выделить следующие функции страдания: информационная, побудительная, мотивационная, объединительная и ценностно-смысловая.

1. Информационная функция. Страдание сообщает и самому страдающему и тем, кто его окружает, что ему плохо. Эта функция проявляется прежде всего через мимику. Лицо человека — зеркало его души; страдающая душа запечатлевает на лице неповторимый рисунок.

2. Мотивационная функция обеспечивает «умеренную негативную мотивацию». Страдание сопровождается напряжением. Напряжение оформляет мотивацию со знаком минус, что является необходимым для того, чтобы заставить человека решать свои проблемы. Если событие запускает процесс страдания, человек скорее будет избегать проблему, а не бороться с ней.

3. Побудительная функция страдания заставляет человека действовать. Произошло событие, часто независимо от воли и желания человека. Как относиться к этому событию, как относиться к отношению (рефлексия рефлексии): предпринять определенные действия, сделать то, что необходимо для уменьшения страдания, или устранить, если это возможно, его причину.

4. Объединительная функция. Страдание облегчает сплочение людей внутри группы (семья, клуб или общество в целом). В объединительной функции можно выделить два аспекта. Первый, о котором говорит К.Изард: «Поскольку разлука вызывает страдание, избегание или предвидение страдания является силой, удерживающей

человека рядом с любимыми и друзьями. Если бы мы не страдали при разлуке с любимым человеком и друзьями, одна из наиболее важных сил, связывающих нас с другими людьми, была бы утрачена» [3].

Другой аспект объединительной функции страдания — это тот случай, когда трагическое событие объединяет людей, создает корпорацию страдающих (обиженных). Человеку гораздо легче встретить и переработать беду, когда он не один, а еще лучше, когда такая же беда случилась с другими людьми. Возникает союз не только во имя преодоления страдания, но и для предъявления обществу и государству своих прав на особый статус. Происходит фашизация сознания, убежденность в собственной исключительности. Мы особые, мы пострадали, и нас может понять только тот, кто сам пострадал.

5. **Ценностно-смысловая функция.** Страдание как особый психический процесс, как деятельность должно иметь некий смысл. Зачем человек тратит столько энергии, перерабатывая горе? Какой смысл нечеловеческих мучений? Человек, который нашел смысл в деятельности страдания, вышел из процесса с победой над горем, поднялся над страданием.

Вернемся к тексту повести Мисима и рассмотрим, в какой последовательности, из каких этапов состоит переживание горя у нашей героини.

Этап острого горя. Что происходит сразу после события, когда событие еще не отделилось от его участников? Это еще совместное бытие человека и фрагмента действительности, когда фрагмент заслоняет человека, его сознание, мысли, чувства. Что происходит, чем характеризуется этот этап? Прежде всего сужением сознания. Или, как пишет Мисима, «психологическим водоворотом». Длительность первого этапа страдания определяется не столько степенью трагичности события, сколько временем распространения информации о событии и взаимодействия с социальным окружением. Этот этап иногда называют этапом острого горя. Острое горе не может длиться долго, человек не может долго находиться в ситуации отчаяния.

Этап отрицания (страх принятия события). Томоко не могла спать из-за большого возбуждения. Но ночь была только предвестником дня. Ночью еще можно верить в нереальность свершившегося, а днем? Возникает еще спасительный страх, что трагедия приобретет реальность.

Первое, что проделывает сознание в преодолении трагического события, — это настойчиво стремится его отрицать. Может быть, этого не было? — задает вопрос с надеждой человек самому себе. Легче себя обмануть не в свете дня — ночью. Отрицание в условиях ночи происходит более эффективно. Ночь вообще в сознании человека связана с чем-то иллюзорным, с возможностью небытия. Уход в ночь — это уход в никуда, в небытие. Но ночь длится недолго, летом менее 6 часов. Столько продолжается и этап отрицания. Неотвратимо наступает день, который приносит трагическую ясность: нет, это не сон, это не иллюзия, событие действительно произошло и с ним надо что-то делать, с этим надо как-то жить: «... восход был для нее страшен. Ей казалось, что с наступлением дня весь ужас происшедшего станет несомненным, трагедия приобретет реальность» [6, с. 271].

Этап ритуальный. Горе, как никакое другое событие в жизни человека, требует ритуального действия. Смерть — деловая операция. Однако со стороны ребенка (Кацуо) ритуальные процедуры напоминали какую-то игру. Так ли ошибочно было восприятие ребенка? Имеет ли смысл ритуал? В чем? Ритуал есть средство заключения психологического контракта между родственниками и памятью об умершем. Отдать последние почести, снять с себя вину за умершего, сохранить память.

Мировая цивилизация в качестве действенной процедуры, которая следует за трагическим событием, изобрела обряд плача [1]. Ритуальный обряд прощания с погибшими состоит из «всяких мелочей», что не может не удивлять непосвященных. Томоко просто не могла понять, как может уживаться в ней горе, от которого впору помрачиться рассудку, с «преувеличенным вниманием ко всяким мелочам». Именно мелочи и спасают рассудок от мрака небытия. Об-

ряд против безумия — лозунг, который можно вывесить на магазинах ритуальных услуг.

Этап отчаяния. Когда человек впадает в отчаяние? Что этому предшествует? Почему одно и то же событие одного приводит в отчаяние, а другого нет? Иногда отчаяние наступает сразу после этапа шока (этапа острого горя). Как только человек до конца осознает непоправимость случившегося, поймет, что ничего нельзя изменить, что положение безвыходное, он впадает в отчаяние. Томоко ощущала себя заброшенной и одинокой. Два ключевых слова понятия «отчаяние»: заброшенность и одиночество.

Одиночество определяется и детерминируется следующими мыслями: «никто не может оценить и понять ее страдания» [6, с. 279]. Для иллюстрации этого основополагающего экзистенциального тезиса М.Мамардашвили приводит стихотворение Г.Бенна, где есть такие строчки: «Всегда несчастлив и редко с кем-то, все больше был открыт..» [5, с. 108].

Вместе с отчаянием возникает раздражение. Пострадавший упорно отстаивает мысль, что так как он перенес такое горе, то он «имеет право на любые самые невероятные привилегии» [6, с. 279]. Горе нередко сопровождается формированием у человека рентных установок. Впервые обратил внимание на то, что в психопатологической картине посттравматического стресса существенную роль играют истерическое реагирование и рентные установки пострадавших, немецкий психиатр Е.Крипилин. Но привилегии человек не получает или получает, по его мнению, недостаточно, что вызывает недовольство и раздражение.

Томоко была «не в силах справиться с раздражением, от которого, как от экземы, огнем горело все тело». Это пример того, как психическая травма отражается на соматическом уровне, здесь в действие вступает физическое «Я» человека. В психологии эта ситуация может быть названа «феноменом бедного Федя». Неизвестная психическая травма, которую получил бедный Федя, имела свой смысл, и этот смысл был как-то связан с женщиной. Травма говорила на языке экземы, которая возникала по мере

приближения Феде к женщине, но не к любой женщине, а только к той, к которой он испытывал любовные чувства. Травма переставала сигнализировать о давнем событии, как только Федя удалялся от предмета своего вожделения [4]. Так и у Томоко появление огня, которым сопровождается напряжение, может закрепиться в сознании и придать некоторый смысл будущим проблемам.

Невыносимость отчаяния усиливается еще и потому, что у человека «не хватает» чувств, чтобы выразить всю глубину страдания: отчаяние от нехватки эмоций, чтобы переработать горе, перестрадать. Вспомним монолог Гамлета на могиле Офелии, который сплошь состоит из слов отчаяния: плакать, драться, терзать себя, пить острый яд, зарытым быть — все эти слова не могут до конца исчерпать глубину страдания. «И еще в большее отчаяние приходила она, когда пыталась заглянуть в собственную душу и видела там лишь мрак и неопределенность» [6, с. 279]. И тогда человек с удивлением вопрошает самого себя: почему он до сих пор жив, не сошел с ума? Ведь **жизнь есть возможность эмоционально реагировать на постоянно меняющийся мир**. Если мы не можем реагировать, если у нас нет средств для этой, кажется, обычной в обычной жизни эмоциональной операции — следовательно, мы не можем жить, да мы и не живем («жизнь завалилась» — Л.Н.Толстой).

Отчаяние — это пограничное состояние, жизнь на границе. Человек не может долго ни реагировать, ни страдать, горе требует отклика. **Отчаяние — состояние без отклика, только мрак и неопределенность.**

Что же спасает человека от последнего шага к небытию, к смерти в состоянии отчаяния? Каждый раз в полустаге от границы выручает еще более тягостное, «острое, невыразимое словами чувство — страх смерти» [6, с. 279]. Страх смерти, или более точно тревогу смерти — трудно, невозможно выразить словами, как нельзя узнать, а тем более назвать то, что ты никогда не видел. Экзистенциальная тревога смерти имеет основной отличительный признак — она не имеет объекта. Бытие смерти есть отсутст-

вие всякого бытия. Вот почему невозможно выразить словами чувство смерти.

Итак, когда человек находится в ситуации отчаяния, на границе жизни и смерти, страх смерти вынуждает его продолжать жить, хотя поводов для продолжения жизни вроде бы и нет. Парадокс бытия состоит в том, что небытие вырывает в самые трагические времена жизненного пути.

Отчаяние слишком невыносимое состояние, чтобы его можно было эмоционально обозначить и выразить, в нем нет позитивного материала для выхода из кризиса. Из состояния отчаяния можно попытаться выйти, если предпринять поиск виновного в этом трагически безвыходном положении. Не важно, кто будет настоящим или мнимым виновником причиненной боли, важно, что на него можно «вылить» целую гамму чувств, которые есть у человека. Виновный выполняет роль объекта, тогда как объект отчаяния есть отсутствие всякого объекта.

Первый этап преодоления. Поиск виновного. Человек уже в самом начале преодоления пытается найти виновного в трагическом событии, но первые поиски, как правило, не дают надежных результатов. Вот почему через несколько этапов пострадавший, чтобы избавиться от невыносимости отчаяния, вновь возвращается к теме поиска виноватого.

Первые чувства, которые человек выражает, уходя от отчаяния, — это состояние гнева и злости. «Гнев может также быть противодействием против страха, что дает возможность предположить существование связи страдание — гнев — страх» [3, с. 260]. Гнев — это базисное средство, противодействие отчаянию. Механизм такого противодействия имеет два направления: во вне (немотивированная агрессия) и внутрь (аутодеструктивное поведение).

Первоначально такая активность носит неопределенный характер. Состояние отчаяния требует немедленного выхода, но когнитивная сфера работает плохо и действует в черно-белом варианте. Поэтому активность отчаяния направлена на попытку ответить на вопрос, который чаще

приходит первым: кто виноват? Гнев должен иметь объект, иначе он будет носить разрушительный характер. Найти виновного и обратить на него весь своей гнев.

Поиск виновного достаточно прост и схематичен, поэтому эта деятельность по времени первая. Возможные варианты: 1) «Я» виноват; 2) «Другой» (другие) виноваты; 3) Некие сверхъестественные силы (Бог, судьба и др.) виноваты. Чаще всего человек начинает с себя. В помутненном состоянии сознания законы гештальтпсихологии работают иначе: человек не видит фона, не видит почти ничего вокруг себя, он заиклился на невозможности выйти из состояния отчаяния. Так произошло с нашей героиней. Чувство вины стало маячить в ее сознании, только когда она поняла, что предстоит скорая встреча с мужем. «Томоко страшно было помыслить о предстоящей встрече с мужем. Это все равно, что предстать перед судом, думала она» [6, с. 271].

Вина требует осуждения и наказания. Томоко решила, что ей предстоит суд совести. Трагическое событие невыносимо, и что можно сделать с ним, как с ним справиться, как преодолеть? Почему же она решила взять вину на себя, что здесь от реальной вины, а что от невротичной? Мы уже отмечали, что состояние отчаяния требует перейти в другой психологический статус, в другое состояние. Легче всего перейти в статус виноватой. Вина требует наказания, наказание есть уже какое-то действие, в котором возможна осмысленность. «Потребность в наказании ослабляет вину» [7, с. 164]. Да, вина сопровождается муками совести и мучение есть процесс переживания, а следовательно и преодоления, избавления, так как после вины следует суд и осуждение, после осуждения — срок, а значит, и возможное освобождение. «Новая неотвратимая мука неутолимо приближалась...» [6, с. 271]. Томоко ждала мужа, «словно преступница, ожидающая приговора» [6, с. 276]. Она опустилась на колени, рухнула на пол и залилась слезами... «Прости меня, прости», — прошептала она.

Вторую порцию вины Томоко разрешила себе получить при встрече с родителями мужа. «Вновь она застави-

ла себя произнести страшные слова: «Это я во всем виновата». Но тут же решила отказаться от этой роли. «Они думают, что это я во всем виновата, — воскликнула Томоко. — Но ведь я потеряла двоих детей. Это меня надо пожалеть в первую очередь!» [6, с. 278] — жаловалась она уже своим родителям. И, наконец, она находит «истинного» виновника трагедии: «Виновата-то не я, их ненаглядная Ясуэ. Ее счастье, что она умерла» [6, с. 278].

Итак, чувство вины, в своем развитии, у Томоко появлялось трижды, в трех различных ликах.

Первый лик. Возникновение безусловной вины: выполняла **оправдательную функцию** перед собой и особенно перед мужем.

Второй лик. Здесь вина выполняла **защитную функцию**: перед родственниками и требовала подчеркнутой жалости (меня надо пожалеть).

Третий лик. Томоко категорически отвела от себя вину и нашла внешнюю причину трагического события. Как только был найден «истинный» виновник случившегося, у Томоко появилось чувство гнева, в котором содержится ресурс для преодоления. Умершую Ясуэ было не жаль, она испытывала нечто схожее с ненавистью к покойной. И даже когда еще возвращались мысли о собственной вине в случившемся, то это была не столько вина, сколько безответственность. Нельзя было поручать кому-либо «заботу о своих детях» [6, с. 280]. Здесь вина выполняет перманентную функцию перехода от отчаяния через гнев к выздоровлению, здесь она выполняет **функцию канализации страдания**.

Вина — это средство отрицания смерти [8]. Она имеет следующий подтекст: если бы я делала что-то по-другому, то могла бы предотвратить его (ее, их) смерть. Более широко: смерть не неизбежна, раз у нее есть причина, которую можно избежать, которой можно воздействовать, а следовательно, и управлять. Неправда, что человек «заброшен» в этот мир, что он обречен на одиночество. Есть в мире какой-то порядок, в который можно вовремя встроить свои усилия и избежать саму смерть. Если же ты

упустил свой шанс, прозевал возможность влияния, то тебе и придется отвечать перед судом собственной совести. Чувство вины может перейти в хроническое состояние, если человек начнет себе отказывать в праве на счастье когда-либо в будущем. Я не имею право на счастье, восклицала Томоко, я должна плакать, иначе я бездушна и легкомысленна.

Второй этап преодоления. Поиск смысла трагического события. Найти смысл в трагическом событии означает найти конструктивный выход из состояния кризиса.

Первый смысл смерти в том, что это «деловая операция». Другими словами, смерть это определенное, правда, крайнее событие, некий факт края бытия, за которым уже ничего нет, но все же это еще событие и жизни, это событие промежутка. И как событие жизни оно имеет смысл в том, что обозначает, очерчивает наше бытие. Таким образом, предельный смысл смерти в ее пределе. Но это смысл для умерших. А для живых? Им-то надо продолжать как-то жить, и смерть детей — это, конечно, знак, но знак чего? Как с этим сосуществовать? Ответить на эти вопросы — означает найти смысл в трагическом событии.

Смысл можно найти не в смерти, а в страдании после смерти, которое не должно пройти зря. «Вдруг Томоко стало страшно, что все ее слезы и страдания пропадут зря» [6, с. 285]. Пройдет лето, пройдет время, может быть, и трагедии не было? Ведь она, трагедия, имеет пространственно-временные координаты. Если мы уберем координаты, может, уйдет и событие. Так в общем-то и происходит. Но страдание не должно пройти незаметно, без следа; оно должно что-то изменить в нашей жизни, иначе какой смысл нечеловеческих мучений?

Смысл в печали. В разговоре о погибших детях родители находят утешение. Память об ушедших дает удовлетворение и опору в жизни.

Ранний Л.С.Выготский сделал попытку ответить на вопросы: зачем беречь траур? Как относиться к страданию? Для ответов он предлагает метафору: «печальна в вышине звезда моя» [2]. Два ключевых слова в этой метафоре: пе-

чаль и **вышина**. Одно без другого не существует: только печаль **достигает** вышины переживания как человеческой жизни, **там** и человеческой трагедии. Смысл страдания не в бегстве от него и не в мазохизме его болезненной ткани, он **обретается** при вознесении страдания, в молитве к Богу в себе и в реализации себя в Боге, т.е. в жизни.

Смысл страдания — в зарубках памяти, страдая, мы определяем место умерших в своей жизни, а память хранит и это место и то, что в этом месте находится. Наши близкие живы до тех пор, пока мы о них помним.

Итак, мы закончили анализ человеческого страдания, но что-то осталось невысказанным, не вошло в ткань повествования. Я вдруг обнаружил, что рассказывал о женском варианте страдания, а отец погибших детей выпал из нашей истории. Мне не удалось показать семью как страдающую систему, изменения, затронувшие внутрисемейные отношения и, видимо, многое другое. Я понял, что литературный источник имеет свои ограничения. А это означает, что есть необходимость продолжить рассказ о человеческом страдании на другом материале, другими методами, с другими задачами.

1. *Бородин Д.Ю., Галкина Т.В.* Обряд плача как форма психотерапии в ситуациях самооценочной дезадаптации // Московский психотерапевтический журнал. — 1997. — № 2. — С. 149—159.
2. *Выготский Л.С.* Траурные строки (день 9 ава) // Новый путь. — 1916. — № 27.
3. *Изард К.* Эмоции человека. — М.: МГУ, 1980.
4. *Зощенко М.М.* Повесть о разуме. — М.: Педагогика, 1990. — 192 с.
5. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. — М., Прогресс, 1992. — С. 107—121.
6. *Мисима Ю.* Смерть в середине лета // Золотой Храм: Роман, новеллы, пьесы. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — С. 262—309.
7. *Мэй Р.* Сила и невинность. — М.: Смысл, 2001. — 319 с.
8. *Ялом И.* Мамочка и смысл жизни. Психотерапевтические истории. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 288 с.